

Елена Трубина. "В форме себя держать!": социальные симптомы и экзистенциальные тупики мужской биографии" // О муже(N)ственности: Сборник статей. Москва: НЛО, 2002.

Елена Трубина

«В ФОРМЕ СЕБЯ ДЕРЖАТЬ!»: СОЦИАЛЬНЫЕ СИМПТОМЫ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ТУПИКИ МУЖСКОЙ БИОГРАФИИ*

В телевизионных роликах, рекламирующих кофе «Нестле» и кофе «Пеле», этот напиток надежно служит складыванию и подкреплению благополучных отношений между мужчинами и женщинами. Высоким притязаниям рекламных потребителей «Нестле» (они пишут, снимаются в кино, их пастельные одежды говорят о вкусах «среднего класса») соответствует и цена напитка. «Пеле» же — один из самых дешевых кофе, поэтому предполагаемый адресат второй рекламы попроще. Ее сюжет, гнев молоденькой учительницы в адрес юных футболистов мгновенно стихает при виде обаятельного школьного физкультурника, протягивающего ей в знак примирения чашку дымящегося напитка. Не беда, что кофе — дрянь: причина назревавшего конфликта — половинки расколотого глобуса отставлены в сторону и забыты. В конце клипа мы видим героев оживленно беседующими: ее агрессивный импульс растворен в его шарме и миролюбии. Остроумно использованная здесь инверсия привычного ролевого расклада (он нападает, она утихомиривает), кодируя и представляя доминирующие представления о маскулинности и фемининности, стандартах поведения и источниках успеха, способствуют усилению потребительских активностей, которые группы делают более однородными, а индивидов — нормализованными.

По мнению Роберта Коннелла, спорт — это важнейший профессиональный институт для выражения маскулинности (Сопелл, 1987, 85). Действительно, здесь мужское превосходство кажется обусловленным природой. В культурном контексте, где тело

//* Я благодарна Сергею Ушакину за серьезную помощь в подготовке финальной версии текста.

фигурирует как нередуцируемый знак естественного, данного, безусловного, мужское тело, означая сексуальное различие, очевидностью своего физического совершенства способствует закреплению представления о неравенстве полов. В этой связи, разбираясь в причинах некоторой неловкости, которую вызывает у многих зрелище соревнования женщин-культуристок, А. Кун замечает:

внутри культурного дискурса «мускулы конституированы как "в сущности" мужские» (Kuhn, 1988, 13). Однако не только природное мускульное превосходство мужчин делает спорт значимым для становления и закрепления маскулинности. Он играет роль мощного социализующего фактора. Немало мужских компаний либо изначально сложились на почве спорта, либо продолжают основываться на спорте как главном интересе. Для наших целей особенно интересны исследования К. Фарра, рассмотревшего роль спорта как объединяющего начала, с которым вряд ли может соперничать что-либо другое в смысле акцентирования и активизации мужественности,

в привилегированных социальных слоях. Спорт

помогает сохранить связи даже спустя годы после отказа от спортивной карьеры... неформальные отношения внутри их мужских групп способствуют конструированию их тендерного и классового статуса посредством создания четкой границы между ними, женщинами и мужчинами из более низких слоев... Доминирующее положение этих мужчин, основывающееся на ритуальных формах мужского общения (дружба, соперничество), было изначально predeterminedено еще а юношестве, при занятиях привилегированными видами деятельности в своих компаниях. (Fan", 1988,265)

В исследовании маскулинности, проведенном Майклом Месснером, проанализированы свидетельства американских мужчин, профессионально занимавшихся спортом, с точки зрения того, как маскулинность изменяется в социальном пространстве профессионального спорта. Особое внимание уделено тому моменту, когда в старших классах школы «многие молодые люди решают: выбрать спортивную карьеру или отказаться от нее» (Месснер, 1998,224). Если представители средних социальных слоев предпочитают иные варианты карьеры и их устремления направляются, \ по выражению Месснера, в более «разумную» область образования и карьеры, то для представителей бедных слоев, и в особенности афроамериканцев, профессиональный спорт оказывается подчас единственным способом завоевать социальное уважение. «Уважение», по словам Месснера, часто выступает в свидетельствах мужчин как «кристаллизация потребности мужчины в самореализации через достижение определенного положения в обществе, существующем в условиях классового и расового неравенства и предрассудков» (Месснер, 1998, 229).

В этой статье пойдет речь о школьном учителе физкультуры, его учениках, детях и друзьях. Подтянутый, коротко стриженный, «веселый, но строгий» (по характеристике одного его ученика), Игорь' шестнадцать лет работает в центральной школе крупного города, ему за тридцать, он женат, у него двое детей. Глубинное интервью с ним было записано в мае 1999 г. в ходе выполнения проекта, связанного с* устными историями. Моей целью были сбор и анализ жизненных историй школьных учительниц, а несколько мужских историй, рассчитывала я, могли добавить исследованию необходимые (и модные) «тендерные» обертоны. В то же время опыт проведения феминистски ориентированных качественных исследований позволил мне понять, что возможность *нерефлексируемого* вынесения авторитетных суждений о мужчинах — в том ключе, в каком они выносятся самими мужчинами — для меня как исследователя-женщины исключена.

Пример такой рефлексии можно найти в книге профессора факультета риторики университета Беркли Кэжи Сильверман. Предваряя свою монументальную работу «*Мужская субъективность на краю*», она замечает:

Может показаться неожиданным, что я предпочла реализовать свой проект на основе мужской, а не женской субъективности, но значительная часть моей мотивации — в той силе, с которой маскулинность покусается на фемининность. Способствование значительной реконфигурации мужской идентификации и желания по крайней мере позволит женской субъективности проживаться иным, чем сегодня, образом. По-моему, это также покажет, что практически все, на чем основаны общие убеждения, равняется нулю и пустоте. Теоретическая артикуляция некоторых нефаллических маскулинностей может, соответственно, считаться насущным феминистским проектом. (Silver-man, 1992,2-3)

Исследовательница различает *конвенциональную* и *маргинальную* маскулинности. Отправляясь от идей Мишеля Фуко, выделившего в

«Истории сексуальности» истеричную женщину, извращенного взрослого и мальтузианскую пару как образцовые продукты «великой поверхностной сети, в которой связаны друг с другом стимуляция тел, приобщение к дискурсу, формирование специальных знаний, усиление контроля и сопротивления — в соответствии с

' Имя изменено.

несколькими основными стратегиями знания и власти» (Foucault 1978, 12), она приходит к выводу о необходимости теоретизировать сексуальность в связи с социальным порядком. «Образце мужскую субъективность невозможно поэтому мыслить в отрыве от идеологии, не только потому, что идеология представляет собой зеркало, способствующее конструированию субъективности, но и потому, что эта субъективность зависит от коллективной убежденности в «единстве семьи и адекватности мужского субъекта» (Silvén, 1992, 16). Нормативные представления о маскулинности, или конвенциональная маскулинность, формируются на основе «преобладающей установки» (dominant fiction) — ключевого конструкта идеологической реальности, основанного на Эдиповом комплексе. Эта установка выступает посредником между субъектом, с одной стороны, и способом производства, с другой, конструируя и поддерживая сексуальные различия.

Мне было особенно интересно понять, каким образом формируются установки конвенциональной маскулинности в рамках школьного образования, каковы, в частности, тенденции изменения телесности в ходе социальных перемен, и профессионал, «окультуривающий» тела каждый день, здесь был не оценен. Идея индивидуальности воспоминания Игоря в ходе интервью дополнена его наблюдениями над школьной жизнью. Я называю ниже эти наблюдения социальным анализом, ибо он демонстрирует недюжинную проницательность в оценке мотивов и причин поступков других людей. В то же время, далеко не полностью (как и любой из нас) осознавая значимые обстоятельства своего собственного существования и лавируя в поле последствий не им принятых решений, Игорь направляет свою деятельность на смягчение воздействия на его биографию социально-политических детерминант. Главная его стратегия — включение собственного тела в сложную игру экономического, социального и культурного капиталов.

«Даже отношение к нам идет вот такое:
"О, крутые!"»

Так Игорь описывает типичную реакцию на появление команды его школы на городских спортивных соревнованиях. На мое удивление, «спортивная» это «крутизна» или «социальная», он, колеблясь, отвечает: «Социальная!» Он имеет в виду, что среди учеников его школы преобладают дети обеспеченных, обладающих высоким социальным статусом родителей. Сам Игорь происходит из простой семьи, мать его тяжело болела, отец, понятно, работал допоздна, и Игорю «приходилось приходить домой и делать все то, что должны были делать, скажем, ну, может быть, сказать так:

что должны делать родители». Эта необходимость рано взять на себя несвойственную мальчику роль компенсировалась в школе. Он называет себя «тяжелым», «буйным», «подвижным» ребенком, причинявшим немало хлопот учителям и таким образом самоутверждавшимся («Надо было мне какой-то урок сорвать — я сорву»). В итоге из школы его выгнали, затем он служил в армии, где блестяще освоил специальность связиста, потом окончил техникум связи, но открывавшейся перед ним возможностью контрактной службы был вынужден пренебречь по семейным обстоятельствам:

ему вновь предстояло принять от отца груз семейных забот. Поиски работы были типичными для его поколения, колебавшегося между денежной, но скучной работой и интересной, но заработка не сулящей:

Где только я не работал! В ресторане я работал, я же в спорте достаточно тесно тяжелой атлетикой занимался. Здоровье было — дай бог, вагон. Ну вот я и в ресторане работал, и

коммерцией занимался — что сейчас называется коммерция, раньше это нечто другое — лет шесть-семь назад. Ну, там радости-то ведь это не приносило, только деньги. А здесь, я считаю, ну, поблизости... опять же с деньгами напряженка. А так — я говорю — с радостью теперь уже встаю, с радостью иду на работу, с радостью возвращаюсь снова сюда.

Главная причина этой радости — то, что Игорь нашел здесь значимую для него мужскую общность. Могут спросить: «Как же так? Ведь коллектив-то женский?» Свое самочувствие в женском коллективе Игорь описал лаконично: *«Как цветочек в клумбе!»* Чувствовалось, что этим клише он не раз отделялся от любопытных расспросов. Куда важнее для него — созданный им на основе волейбольной секции «клуб», в котором старшие члены опекают младших, в котором царят ценности коллективной игры, соревнования, задора, достижения победы любой ценой (М. Месснер называет их «культурно релевантными компонентами мужественности» — Месснер, 1998,222):

У меня вот осталось из восьмого класса сейчас шесть человек. А двое уйдут из одиннадцатого. Я почему и говорю — у меня клуб. Волейбол — это у меня не секция «Волейбол», а клуб. У меня вот двое выходят — я говорю: «Вы чтоб ушли — вы после себя чтоб два тапочка оставили. Имеется в виду два следа. Вот вам два молодых — вот вы с ними работайте. Я в вас, — говорю, — все что мог, влил, теперь вы вливайте из своего кувшинчика в них. Чтобы у них тоже заполнялось. Вот они уходят, они себе оставляют замену. Вот. И у нас, я говорю, у меня клуб волейбола.

Статус людей, с которыми Игоря объединяет спорт, для него весьма и весьма значим. Его связи с учениками закрепляются всевозможными акциями вне школьного расписания, в итоге чего его подопечные, даже покинув школу, не теряют с ним контакта:

Ну дело в том, что мы с ними как связаны? Я же не только здесь вот физкультуру веду. В летний период, вот зимой, допустим, — в поход систематически ходим, в пещеры. Много ли надо, да? На три ночи взял и ушел. С группой. Человек десять беру из школы и человек пять выпускников. Они уже который год идут. И все их куда-то что-то тянет. Значит, что-то оставило?.. Где-то там, раз тянет. Вот и те, кто, скажем так, привязался надолго — потому еще — летом сплаваемся по рекам Урала на различных сплавах, будь то катамаран или байдарки. Вот. И поэтому... Причем категорийности различные. Вот мы в прошлом году ходили в троечку, в такую — хорошую троечку. Что даже катамаран обломали...

Эти «клубные» связи составляют главный социальный капитал Игоря, источник его самоуважения. Немал и их воспитательный потенциал. Описывая стратегию воспитания своего старшего сына, Игорь делает акцент на том, чего (и за счет чего) достигли люди, в обществе которых он проводит свободное время:

Ко мне вот приходят... Допустим: вот у меня завтра день рождения. Ну я вот... уверен, не уверен — знаю, что выпускники все равно заедут, хотя бы так здесь поздравят. Может — останутся, не знаю. Вот. Потом что? Не знаю. Я вот у них бываю на дне рождения. Они у меня бывают. Летом вот мы... Куда-то едем, или на рыбалку... Ну, поехали? Поехали. Раз, собрались, все. Смотрелись. Вот он видит по ним, кто что из себя представляет. Видит один — директор фирмы, другой в банке работает. За счет чего работает? За счет головы, наверное, да? Вот. Смотришь, приедут, раз две машины подъехало. За счет чего? Не за счет того, что их папы-мамы... Папы-мамы такие же были, как и они. Вот как все — звезд с неба не хватало. Я говорю; «Вот, они учились». Они потом, коща сами с ним общаются, говорят «Учись, учись, кому ты потом нужен будешь со своими троечными знаниями?» Вот на этих примерах он осознает и видит.

В итоге Игорь за себя спокоен: пусть его работу не назовешь престижной, пусть заработка она не приносит, важно «кто за ним стоит». Он замечает даже, что разница в статусе очень заметна в поведении большинства учеников: *«Вот это — картиночка, а сзади — большой плакат, кто за ним стоит. Это видно сразу же. Видно —*

от того, как человек ведет... Или — из среды общения с этим человеком».

«Он приходит — у него все хотят»: тяготы телесной дисциплины и ценности спорта

«Наиболее годных к этому ремеслу можно узнать по многим признакам: это люди бодрые и живые, с высоко поднятой головой, втянутым животом, широкоплечие, длиннорукие, с сильными пальцами, не толстые, с подтянутыми бедрами, стройными ногами и непотеющими ступнями, — человек такого телосложения не может не быть стройным и сильным» (Фуко, 1975, 198), — Мишель Фуко приводит описание солдат французским полководцем XVII в. Если искать в средней школе самых «бодрых и живых» людей, то надо держать путь к спортивному залу. Пусть школьный фольклор впитал в себя сомнения в том, насколько учитель физкультуры интеллектуально состоятелен, его телесная и физическая состоятельность, как правило, — вне подозрений. Фуко говорит об изобретении в XVII — XVIII вв. дисциплины как «новой политической анатомии», «муштры», действующей, среди прочих институтов, в «колледжах» и «начальных школах», направленной на «обтесывание камней» — детализованной школьной педагогики, предназначенной для производства «подчиненных и упражняемых, послушных тел» (Фуко, 1975, 200—203).

Школьный учитель физкультуры участвует в этом процессе «нормализации» тел. Школа как институт является значимой частью более широкой социальной сети, в которую «захвачены» человеческие тела, и взаимодействует прежде всего с семьей, но также и с массовой медиа, медициной, модой и т.д. — иными словами, с дискурсами, практиками и институтами, влияющими на функционирование телесности. Описывая «дисциплину» как технологию власти, М. Фуко различает «восходящий» и «нисходящий» типы индивидуализации. Если первая свойственна до-модерным обществам, в которых у индивида тем больше шансов выделиться, чем он более влиятелен, чем безупречнее его наследственность, то вторая начинается тогда, когда «историко-ритуальные механизмы» формирования индивидуальности уступают место «научно-дисциплинарным», когда «нормальное взяло верх над наследственным»:

В системе дисциплины ребенок индивидуализируется больше, чем взрослый. Большой — больше, чем здоровый, сумасшедший и преступник — больше, чем нормальный и законопослушный. В каждой¹ упомянутом случае все индивидуализирующие механизмы нашей цивилизации направлены именно на первого; если же надо индивидуализировать здорового, нормального и законопослушного ребенка, всегда спрашивают много ли осталось в нем от ребенка, какое тайное безумие он несет в себе, какое серьезное преступление мечтал совершить. (Фуко, 1975, 282 - 283)

Рассуждения М. Фуко у каждого из нас, пропущенных через мясорубку социализации «детский сад — школа — вуз», вызовут уверенность, множество живых воспоминаний. Кроме этого, советская образовательная система в ее «физическом» компоненте осуществляла с максимальной эффективностью идеи Томаса Гоббса, понимавшего социальный порядок как проблемы регулирования не преимуществу тел. Государство восполняло скудость ресурсов"» соответствии с убеждением Гоббса в том, что обязательной задачей общества должно быть приручение природных влечений и же» ланий, составляющих общество индивидов. Решая в отношении тел задачи воспроизводства населения и введения ограничений} касающихся внутренней жизни тела, государство использует тела как медиум, через

который поддерживаются социальный порядок и институты. В литературе идет речь как минимум о четырех измерениях человеческого тела, которые вовлечены в социокультурное формирование: первое — физические характеристики, второе — телесная активность, а также то, что связано с публичным проявлением разных сторон индивидуальности (ума, пола, характера), третье — переживаемое или проживаемое тело, наконец, четвертое — телесная поверхность, на которую наносятся культурные метки (Schatzki and Natter, 1996, 3—4).

В рассуждениях Игоря забота о «физическом» теле неотрывна от тела, понимаемого как источник активности: человека, обладающего волей и характером для «занятий», не остановят новые травмы:

Кто занимается, кто заинтересован в своем здоровье, тот все равно будет заниматься. И с травмой, и без травмы, до травмы и после травмы. Не знаю. Говорю: и мениск вырезали — все равно в футбол играет. И так далее. В форме себя держит. Он — человек в своей фирме, свою фирму держит и так далее.

«Свою фирму держит» и себя держит в форме — эта комбинация, похоже, для Игоря близка к идеалу. Шансов открыть свою фирму у него нет, остается одно: держать в форме себя. Его отличная физическая форма и есть, собственно, его «фирма» — залог успешности его социальных связей, источник его приработка, единственное его достояние, которое он способен контролировать. В условиях дезинтеграции большинства социальных форм, резко сокративших карьерные возможности людей, подобных Игорю, его собственное прежде всего, но и других людей «физическое» тело выступает, далее, как значимый жизненный ресурс,

увеличить который под силу каждому.

Этим пренебрегают лишь те, у кого в достатке прочих ресурсов: «Кто знает, что за него все это сделают, имеется в виду и хирургические операции, и там еще что-то, знают, что родители имеют деньги, сделают, заплатят, вот. А кто занимался, тот так и занимается».

Представляя себе свою миссию как увеличение этого ресурса, он недоумевает по поводу слабой заинтересованности детей и родителей в том, чтобы от школьных уроков физкультуры взять максимум:

Вот не знаю я. Все от заинтересованности самих детей... Вот родителей я, честно сказать, понять не могу. Особенно вот у нас же много детей, родители которых врачи, и когда врач пишет... ну, справкой ее назвать нельзя, отмазку для ребенка от физкультуры, который нагулял определенное количество часов: ну просто нагулял! Они не понимают, что они себе... вот этот бюллетень потихонечку подпиливает веревочку. Потом она — ай! И все, мышеловка захлопнулась. Для них же для самих, потому что дети-то, что они взамен могут дать? Ну, сказал: «Ладно, все, спасибо». Нет, отмазку с таким гордым видом:

«Вот у меня справка». Говорю: «Ради бога, живите, — говорю, — больные, живите больные!»

Если для учителей по другим предметам «верх» профессиональной карьеры в педагогике — работа в вузе, то для Игоря естественно сравнивать себя с профессиональным тренером. Главное, что порождает его зависть:

Тренер работает с отдельными людьми, которые пришли достигнуть каких-то результатов... Он ведь работает не с общей массой, где от «я хочу» до «я хочу больше», вот. Или «я не хочу» или «я хочу больше». Там такого нет. Он приходит — у него все хотят. У него все хотят повесить свои результаты, они все хотят на чемпионаты России, мира,

олимпийских игр и так далее. Ему работать в этом плане проще. Вот. Там заинтересованность. Не хочешь — уходи.

Отличие своей ситуации Игорь видит в том, что, работая с массой учеников, он вынужден подстраиваться под их индивидуальные особенности, стремясь довести каждого до некоторой нормы!» и поощряя в детях дисциплинированность: те, кто слабо подготовлен или физически неспособен сдать *нормативы*, имеют шансы на высокую оценку, демонстрируя прилежание и, главное, не пропуская занятия,

А мы ведь не можем сказать: «Не хочешь — уходи». Не хочешь *— г 1 можешь заниматься чем-то другим. Но чтобы уйти... Почему я вот ГУ.;

ворю — столько дохленьких, а оценку «пять» по физкультуре имеюК| Некоторые возмущаются: «Как так?» Я говорю: «Смотри — заскольА^ ко вот уроков... Шестнадцать было. Ни разу не пропустил человек...» |

".^ t С другой стороны, Игорю удается совмещать и учительские, и тренерские функции:

Так вот я, допустим, как тренер, вот здесь я и тренер, и учитель. Вот я веду секцию волейбола. Я же не каждого возьму. Хотя я возьму каждого. Просто не каждый останется. Когда проходит у меня два с половиной часа тренировка, они — ну, не в прямом, а в переносном | смысле — выползают из зала. Выползают. Полностью загруженные. | Не каждый это выдержит, во-первых. Потом — не каждому это дано. | Он в конце концов понимает. Но те, что остаются, я знаю, уже будут | дальше работать по полной программе.

Игорю нравится возлагать максимальную нагрузку на тех, кто ее способен выдержать. Слишком много среди его подопечных тех, кому под силу лишь слабые нагрузки. Терпение и понимание, которых требует эта ситуация, компенсируются его жесткостью и видимой беспощадностью в качестве тренера.

«Я, пока они в штанах, урок у них вести не буду!»

Дисциплинирующая роль униформы известна издавна. Игорь гордится тем, что это он настоял на единой форме <для физкультуры>, состоящей из шортов и футболки. Он, хотя и понимает, что не для всех детей эта комбинация оптимальна (*«телосложение-то у всех разное...»*), не без удовольствия вспоминает, как *«толпы ходили девочек к директору»*, как они нашли было своего защитника в другом преподавателе-мужчине:

Пришел ко мне, девочки за его спиной стоят. «Я разрешаю заниматься девочкам в штанах». Я говорю: «По какой причине? По какой причине вы разрешаете?» Молчит. Я говорю, зал открываю: «Проходите, ведите урок. Я, пока они в штанах, урок у них вести не буду». Столкнулся. Он меня — лицом к лицу, и я его разворачиваю лицом к лицу. Поворачивается — уходя, говорит «Девочки, у вас есть преподаватель, вы с ним и решайте все вопросы». Все, ушел. Больше проблемы не возникало.

М. Фуко толкует о «нескромности» дисциплинарной власти, которая «повсюду и всегда начеку, поскольку в силу самого своего принципа она не оставляет ни малейшей теневой зоны» (Фуко, 1975, 259). Физиологические особенности учениц находятся в поле зрения Игоря в силу того, что «критические дни» остаются уважительной причиной для непосещения ими занятий, чем некоторые, понятно, злоупотребляют:

Приходят — нагло врут. Я сразу с девочками туг вот начинаю... ну, класса с седьмого, я им сразу говорю: «У вас возникают сейчас проблемы». Ну, вот только с девочками, естественно. «Поэтому, будьте добры, я об этих проблемах должен знать первым, чтобы я вас не терял. Придите и скажите: "Я сегодня не могу"». Ну, кто-то там: «по физиологическим

причинам». Или как-то еще. У меня крестики стоят. Дата и крестик. И когда, извините меня, она пришла ко мне второго числа и пришла пятнадцатого числа, я спрашиваю: «Почему, моя хорошая, несостыковочка получается? Ты ведь так будешь у меня весь год по два раза подходить...»

Игорю, явно довольному тем, что его нельзя провести в таком, как ему кажется, простом вопросе, вряд ли приходят в голову другие возможные объяснения того, что «*пришла второго числа и пришла пятнадцатого числа*», к примеру сбой менструального цикла или недомогания родственной природы. Девушке на его пронизательность возразить нечего, ведь он исходит из известной всем *нормы*, и он, наверное, последний человек, с кем она решится обсуждать отклонения от нее. Он же уверен в своей правоте, и стыд девушки его вполне устраивает «*Красная, синяя, бледная! Чтоб я еще раз ее увидел, чтоб она вообще пришла с этими физиологическими причинами ко мне— да боже упаси! Уже не придет. А уж лишний раз сходит и отзанимается. Вот*».

«Идет подтягивание. Мальчик не подтягивается»

Для сегодняшних, прирученных компьютером и телевизором детей и подростков, соревнование в силе и проворстве, вообще перспектива предстать перед сверстниками в своей телесной очевидности ("ста — серьезное испытание. Оно проходит «на публике», и вот это, если воспользоваться известным термином английского феминистского теоретика Лоры Малви, «бытие под взглядами» (to-be-looked-at-ness) многими из них переносится с трудом. Игорь поэтому считает, что выходом было бы раздельное обучение, по крайней мере в средних и старших классах.

'...»ь ...Потому что не все на уроке [пауза]. Девочки, допустим... И парни! в общем-то... Вот парень не подтягивается. А на уроке идет подтягив;

вание. Мы в одном зале. Идет подтягивание. Мальчик не подтягивается. Ну, он, видно, очень рыхлый: либо здоровья в нем не хватало, либо он ходил так часто, что...

Мне кажется очень интересным, что в описании Игорем самых незадачливых своих учеников и описании знаменитым французским философом Роланом Бартом различных амплуа участников <| кетча есть дословное терминологическое совпадение: они оба используют слово «*рыхлый*». У Р. Барта читаем:

Не успели противники подняться на ринг, как публика сразу же прониклась очевидностью их ролей. Как и в театре, в каждом физическом типе с чрезмерной четкостью выражается амплуа данного "борца. Товен, тучный и рыхлый пятидесятилетний мужчина, из-за своей уродливой беспояости вечно получающий женские клички, самим" своим телом демонстрирует все характерные черты низменности, ибо роль сто — воплощать ту органическую омерзительность, что содержится в классическом понятии «мерзавца». То есть намеренно внушаемое им тошнотворное чувство очень глубоко коренится в сфере знаков: уродство не просто служит для обозначения низости, но еще и сосредоточено в самом состоянии материи... и толпа, произвольно осуждая его, исходит не из рассудка, но из самых своих глубинных гуморальных переживаний. (Барт, 1957,61)

В выразительном пассаже Барта особенно значимо последнее замечание о том, что «произвольное осуждение», адресуемое

«рыхлому» персонажу, происходит из «глубинных гуморальных переживаний». В своем повседневном опыте сталкиваясь с жесткой, одномерной подростковой психикой, как своего рода апофеозом «гуморальности», что обусловлено тем, что каждый подросток представляет собой гормональную бомбу, Игорь знает, какими переживаниями может обернуться для подростка этот конфуз, и размышляет над тем, как — через реорганизацию преподавания — можно его от этого хотя бы частично оградить. Он, однако, умалчивает о том, что именно юноши, не девушки, как правило, более жестоки в реализации своих «гуморальных» импульсов, говоря лишь:

Вот он сидит на скамеечке. Он не пойдет подтягиваться. Почему не пойдет подтягиваться? Потому что здесь девчонки сидят. Что он будет себя показывать — в глазах-то вот? А если бы не было никаких девчонок, пошел бы он, отвисел свои два-три раза, я бы ему остальные пять раз помог. Ну, пока, на начало.

У Барта читаем: «В каждой новой ситуации тело борца дает публике увлекательное зрелище» (Барт, 1957,62). Перспектива стать зрелищем неизбежна для каждого на уроке физкультуры. Публика — одноклассники — готова и восхититься, и освистать: *«Кто-то ведь... У кого-то ноги красивые, у кого-то — нет. Вот. У кого-то... Различное телосложение. Вот они по этому поводу, конечно, комплексуют».*

К комплексам по поводу внешности и слабых спортивных способностей прибавляются проблемы, вызванные неудобной формой:

Они могут раскрыться, но они не хотят, их это давит. Вот ей нужно что-то — упражнение на пресс сделать — она начинает делать, раз — и футболочка задралась. Она два раза сделала — и ей еще нужно двенадцать раз сделать. Она — раз-раз и ушла. Она не может, не может. Она... стесняется дальше продолжить. А так бы она дальше продолжала, все нормально.

«Гевдерные» же различия здесь состоят в том, что

ну, в общем-то, девчонки без парней чувствуют себя намного комфортнее, они раскрываются. Их вот хотя бы раз увидишь — уже другие. Ну, так вот — парней отправишь, допустим, в футбол, девчонки остались. Они совсем по-другому. И делать могут больше, и лучше, и качественней.

.*

В то время как *«парней-то всегда стимулирует, когда девчонки в зале»* «Рыхлых» и «маленьких» юношей Игорь стремится реабилитировать, понимая, что иначе им даже в школьной среде не выжить. Характерно, как он формулирует цель своих занятий с ними: *«Хотя бы простой отпор дать своим же»:*

Вот у меня есть тоже волейболисты маленькие, очень маленькие, десятый класс. Меня спрашивают: «Он у тебя в седьмом?», я говорю: «Нет, в десятом». Их выпнуть — он бы сейчас в бокс пошел. Не, ну в волейбол тоже ко мне ходит. Вот. Но надо ведь себя как-то вот еще реабилитировать, потому что... Хотя бы простой отпор дать своим же. Не в том плане, что подраться, а оттолкнуться вдруг от брани. Вот. А в десятом классе они соображают, что им это уже надо.

Рост понимания важности «фитнеса» приводит юношей в основном к занятиям тяжелой атлетикой и бодибилдингом: «Ну, в основном парни в качалку ходят. Они осознают это, что цд(надо. Вот. Парни смотрят друг на друга-то. Кто тянет, кто нет. И они приходят в качалку».

Французский социолог Пьер Бурдьё настаивает:

...нельзя изучать спортивное потребление... независимо от продукте»- ;
вого потребления или досугового потребления в целом.
Спортивные :
практики... могут быть описаны как результирующие отношения меж-| ду спросом и предложением, точнее, между пространством преалага⁴-! емых в данный момент продуктов и пространством склонностей (ее-, социирующих с занимаемой позицией в социальном пространспй < и способных отображаться в других потреблениих в связи с другим ' пространством предложения.
(Бурдьё, 1987,262) ;

От социального анализа Игоря не укрывается то, что, конечно, он не одинок на рынке спортивно-образовательных услуг и что последние составляют лишь один из секторов рынка услуг в целом, | подчиняющегося сложной динамике спроса и предложения. Под-1 черкнутая Бурдьё зависимость спроса на услуги от «занимаемой,ji позиции в социальном пространстве» в опыте Игоря отражается в том, что те виды спорта, дополнительные занятия по которым он, в состоянии предложить ученикам, в число самых престижных н&, входят. Игорю очевидна неразрывность спорта и социального класса, то, в частности, обстоятельство, что платные занятия рядом видов спорта (горными лыжами, гольфом, большим теннисом) входят в число престижных видов потребления. Однако деформации в следовании подростков из обеспеченных семей модным стратегиям потребления состоят в том, что *платность* этих занятий порождает у них иллюзию, что особых физических усилий прилагать не требуется.

У меня вот ходят в восьмом классе две — ну плюшки плюшками.

Ну вот натуральные плюшки! Уж я и так и этак, а плюшки плюшками:

«Я в теннис хожу, нас там бегать не заставляют», е-мое. Разговарийл с мамой... Мы как-то в прошлом году с ней столкнулись тоже: «**Все**. Будем. Света будет ходить. Все». А Света, смотрю, все шире и шире. Что, говорю ей, с ракеткой-то там делаешь? Я с ракеткой могу дома постоять. Теннис — это такая ипука подвижная, это умотаться! Чтоб провести тренировку хотя бы вот сорок минут, похудеешь на килограмм. С тебя столько сойдет — не одну футоояку поменяешь! Я го- :

ворю — не верю, что вас там не гоняют. «Ну мы же деньги платам». , Все. «Ты где-то уже участвуешь в соревнованиях?» — «Зачем? Нет», s Все. Правильно, тогда... тогда понятно.

Если раньше, размышляет он, ученики ходили заниматься теннисом или шейпингом, чтобы *«набрать дополнительно»* (^нагрузку, которой не хватало на *уроках*), если *«они ходили с умыслом»*, то

сейчас вот приходишь и с такими вот фразами встречаешься: «Ха! Физкультура. Да я на теннис хожу. Там же платно». Вот выражение такое:

«Там же платно». То есть престижно заниматься... «Я хожу на платное». Там родители платят деньги. Вот. Я говорю: «Там же ходишь, не пропускаешь». — «Ха. Там же деньги у меня родители платят!»

Общая расслабленность и недостаток физической формы, которые делаются все более характерными для детей из обеспеченных семей, преобладающих в школе, где работает Игорь, создает для него проблемы, когда дело доходит до соревнования с другими школами.

Допустим, почему тяжели равняться с другими общеобразовательными школами? Потому что те дети — вечно на улице. Они вечно бегают, им проще. Вон другая школа рядом: пришел, смотрю, встал на лыжи. У нас же как? Я сто пар лыж ставлю — уж куда обеспеченнее?! Вот у нас остались «Тиссен», уже остается «Фишер» и так далее. Ну, не нужны. Катались год — не нужны. А там бог весть на каких лыжах, но — ходят.

Понимая, что в глазах его учеников «простые» лыжи недостаточно престижны, Игорь опять прибегает к аргументам, так сказать, «от тела», вновь используя понимание особенностей женской анатомии и физиологии в своих педагогических, «нормализующих» целях:

Девчонки тоже... «На кой нам нужны ваши эти лыжи?» Я говорю: «Здравствуйте! — я говорю. — Вам как никому другому нужны, говорю. Вы — будущие матери, вам, говорю, да чтобы ребенок вышел-то...» Стоят, смотрят, господа! Мышцы брюшного пресса. Я говорю:

«Моя хорошая, если ты ни разу из положения лежа подняться не можешь, о каком деторождении вообще речь-то идет?»

Игорь следует здесь стратегии «демистификации» женственности, в общении с девушками он не хочет принимать во внимание те смыслы физической активности, которые значимы для них самих, ему важно повернуть их лицом к их главному, как он считает, предназначению — рожать детей. Девушки *«стоят, смотрят»*, скорее всего не очень-то принимая в расчет резоны педагога, потому что *«деторождение»* вряд ли входит в число их ближайших забот. Педагог находит доводы поубедительнее, проистекающие из социальных наблюдений, состоящих в том, что в стратегиях, ис-

пользуемых девочками для привлечения внимания одноклассников, все значимее делается материальный момент: ,, ,i,

У вас сейчас уже начинается: тот мальчик нравится — не нравится (то) ведь это вам нравится, А вы спросили — нравитесь ли вы? Не^q спросите. Вам нравится — вы начинаете его покупать с других < чем-либо. Сейчас это называется... покупка называется. Чем-ли^й то подарила, на теперь диск. Да, можешь не возвращать. И так да

Логика Игоря проста: зачем тратиться на подарки, ей^й значительно увеличить свою привлекательность или, если, ;
покупательную способность тем, что, посещая его уроки,,с как минимум подтянутой. Он считает, что обеспеченная,!! «новые русские», убежденные, вопреки поговорке «здор купишь», что купить можно все, имеют весьма странные прелюбия о здоровье. Ему, кстати, горько оттого, что родители,] его учеников заботятся о своем и их здоровье по принта дороже, тем эффективнее», предпочитая покупать дорогое^ чит; престижное лекарство профилактическому приему д контрастному душу по утрам и тд. Горько оттого, что он в сейшие приемы борьбы с болезнями, какие жизненный i вый смысл и «культура бедности» отложили в памяти поi

Ребенок говорит: «Я на улицу не пойду заниматься, мне | разрешают». Я говорю: «Почему не разрешают?» — «Незн вызываю папу. Там, значит, у нас медик какой-то там заслуживает. Начинает рассказывать: «У нас слабая иммунная система»; Я < «Господи, бога ради, у вас иммунная система ребенка слабая, , -ворю, — и что вы для этого делаете?» Все препараты, в^{дч}* Господи, что вы хотите из него сделать? — про себя говорка' рю: «Да вы начните с простого: ножки ребенку мыть». — «Чд сразу простынет». Я говорю: «Пусть просто теплой водой их < Пока он их протирать будет, у них уже... эффект закаливая^ чит». Смотришь на родителей, некоторые даже будто не слып

«Причуды» обеспеченных детей нередко принимают, гк)^< блюдам, и более серьезный оборот.

А есть вот эти вот, которые обеспеченные. Он дает ему i лончик, говорит: «По всей школе пробеги, нажми — пр ти рублей». Пробежит, а что ему делать-то? Что он, за стих* минут не потратит? Потратит. Пробежал, потом ищи иХу^ Этих хвостов. А что ему делать-то? Куда ему с этими деньгами деваться? О все равно остаются. Папа, кроме денег, ему дать ничего не ми» тебе пятьсот рублей на карманные расходы на день. Второй (

в шестом классе — вот тебе столик на карманные расходы. Больше, кроме этого, он ничего предложить не может. Ребенку захотелось купить свою квартиру — купили они гараж, оборудовали его под квартиру. Ну и что там хорошего? Ну что там может быть хорошего с его вот этим вот?

реплика Игоря *«Папа, кроме денег, ему дать ничего не может»* подтверждает разделяемое им убеждение о «рыхлости» части «новых русских» пап. Он противопоставляет их «никчемности» как отцов многообразию и насыщенности своих собственных занятий с детьми.

«Ну, всей семьей, естественно, в походы ходим летом...»

Это утверждение Игорь в деталях развил и дополнил таким заявлением:

Компенсируюсь чем? Вот меня увидите на кухне — я виртуоз. У меня хобби такое — на кухне летать и все что-то творить. Я раньше — из школы пришел — вообще... В походе я торты стряпаю, всяко. Кулинария. Вот он меня видит. Я знаю, что вот... я за него спокоен: будет готовить и все делать. Что он видит и делает все вместе со мной.

Настороженная настойчивостью, с какой, описывая свой отдых, Игорь упоминал лишь одного сына, я думала: «А что же жена и второй сын, они у них ведь, кажется, погодки...», но вопросов, которые могли быть Игорем истолкованы как невольный укор, не задавала. Лишь попросила рассказать, как он жену искал и как женился. Его ответ раскрыл весьма драматические обстоятельства:

*у

Ну, я, видимо, просто однолюб, так сказать, по натуре-то. До армии, мы когда провожали... своего друга вот я провожал в армию. Подруга, видимо, того, кого провожали, пришла с его женой.... Ну, как-то... Увиделись, встретились и начали встречаться дополнительно. Вот. И все. А после этого, буквально месяца через два... В армию ушел. Сам. Через два года пришел — она ждала. Я пришел, и сразу поженились. Поэтому У нас как-то не было такого, чтобы как-то искали или как... Внешне у нас все нормально. Вот. Нам не повезло со вторым ребенком. Вот. Атак...

"уяснилось, что рядом с родильным домом, где находилась жена Игоря, произошел взрыв: в здании выпали стекла, испуг был всеобщий, некоторые сильно пострадали. Жену Игоря *«так сильно не ^резало, но это сказалоь»*. Игорь допускает, что на исходе родов

могло сказаться и кесарево сечение, которому его жена была *чищя* вергнута при рождении первого ребенка, и то, что второй ребенок! появился вслед за первым: *«погодок, по идее, нельзя было...»*. Мальчик находится дома, с мамой. Единственный диагноз его заболит-!! вания, которым Игорь располагает, это *«необучаемый»*. От этэдхЦ ярлыка Игорю не по себе, и весь его рассказ об этом *семину*^. несчастье пронизан духом недовольства врачами и стремление доказать им, насколько они ошибаются. Выясняется, что *m*: столько слепой случай (взрыв), сколько врачебную ошибку Ип^й' считает главной причиной случившегося: *«Выписали абсолютна ^ здоровым, разворачиваешь ребенка — ножки висят! Парез нижни^ конечностей. Д это, говорит, по дороге что-то случилось^»*

С каким торжеством он рассказывает о том, как им с женой удалось посрамить врача, предсказавшую, что ни разговаривать, ни обслуживать себя мальчик не сможет:

Она говорит «Здравствуй, Саша»². — «Здравствуйте». С нее чуть ж лат не слетел. Ха! Она говорит: «Как твои дела?» Уже она заика? ;

«К-как т-твои деда?» Он говорит «Нормально». — «Не может быть!» * ' Я говорю: «Вот. Как видите, может». Так что я вот в него верю. Мыв. <

ним будем общаться. Ну, а вот люди-то ведь видят ребенка. Он совер-] шенно другой.

4:1 Надо сказать, что Игорь в годы своего детства тоже испытал, что *эха*

значит, когда раз наклеенный ярлык, репутация трудного ребенку надолго остается с тобой в силу инерции отношения педагогов:

В школе я был достаточно... активн... тяжелым ребенком. Надо было мне какой-то урок сорвать — я сорву. Надо было мне что-то сделать — я... Надо было собраться уйти — я уйду. Вот. Опять же, стереотий • такой — он и сейчас остался: передача ребенка из класса в класс по штампу. Он троечник — он троечник. Этот — двоечник, его вообще не трогай. Этот может тебе все уроки сорвать. Вот так вот из класса в класс переходит — это чтобы вот кто-то взял, попытался переломить.

Образцом способности взглядеться в ученика, увидеть за «стигмой» человека для него осталась лишь одна учительница, по предмету которой у него — на удивление всем — была пятерка.

С ней можно было и пошуппть, и посмеяться, повеселиться. И, оіmt же, строго держала. Вот кому урок не сорвать, так это ей. Тяжели

² Имя изменено.

очень. А другие просто относятся к тебе к такому, каким ты был. И не хотят ничего поменять. Поэтому, наверно, так человек и остается:

«Ну, не хотят менять — не надо. И я таким же буду».

Похоже, что именно строгость Игорь заимствовал у своей любимой учительницы и считает ее ключевым своим достоинством, главной причиной спокойного поведения сына:

Но на сегодняшний день он разговаривает, полноценно разговаривает. Ну, может, где-то что-то будет непонятно... Но с ним общаться можно. Он, правда, воюет, когда не со мной бывает. Я... моя, видимо, аура такая — строгость.

Мы вот на занятия ходили. На последнее вот. Ой, как там преподаватели удивились! Они спрашивали жену: «Слушай, он сегодня болеет, что ли?» «Сегодня, — говорит, — у нас папа на занятиях». Он сидел спокойно, занимался, слушал, никуда не бегал. А мы что? (Игорь имеет в виду мягкость своей жены. — *Е. Т.*) Ходит, может выйти из аудитории, может прийти. И так далее. Вот то есть хаотично может передвигаться. Раз — что-то ему понравилось — хоп! Остановился, начал делать. Хоп! — уже не нравится, опять пошел. Вот — быстро отвлекается на все.

Маме (жене Игоря. — *Е. Т.*) очень тяжело с ним. Потому что... Я изначально говорил: «Ты напрасно себя так ведешь. Это не тот ребенок, с которым можно сюсюкаться». С ним нужно строже. От и до. Потому что в дальнейшем нам с ним быть, больше некому. Взял — принеси, положи. Не положил — снова... Вот, в приказном порядке. А сейчас она вот, как говорится, позволяет это...

«Нам с ним быть, больше некому» — Игорь говорит это не без оснований. Опыт поиска институциональной помощи закончился для него и его жены неудачей. Помещать его вместе с детьми, больными ДЦП или болезнью Дауна, Игорь сам не хочет, справедливо сомневаясь в том, насколько мальчик будет прогрессировать. Из платного Центра проблем детства их *«попросили»* по причине беспокойного поведения сына. Итог. *«Нас нигде... практически никуда не берут, чтобы прийти заниматься...»* Отчаяние Игоря и его жены бывает настолько сильным, что-ею, Игоря, представления о том, как социум должен решать эту проблему, весьма радикальны (и типичны для России):

Хотя наше общество настолько гуманное! Я вот его не разделяю. Если впяг, что ребенок родился... Я вот, может быть, по-зверски скажу — ну если видно... Ведь видно, что родился даун. А родители всю жизнь мучаются. Ну, скажите, что он... Что-то случилось. Ну, пережила она один раз

эту проблему, и все. Ну, как бывает? Три ребенка, один из них даун. И все. И родители кончаются, как правило, после пятидесяти лет. Они а канчивают свою жизнь, они не могут дальше жить. А куца его деть?

Я возразила в том ключе, что для каждого здесь своя граница допу»а стимого и недопустимого, что для кого-то, возможно, шанс чщ^м^ сделать для такого ребенка перевешивает многочисленные сопа». Женные с заботой о нем проблемы, что выбор все равно должен аз-1 таваться за родителями, а не за врачами, хотя они, родители, коне»^^ но, должны понимать, на что себя обрекают, что возлагать эту о!» ;j ветственность на врачей вряд ли возможно. На вопрос: «Вот вы ба| взяли на себя такую ответственность?» — Игорь ответил: 1

•••t Ну, пройдя вот это, я бы взял. Снова получается. Мы
родились *тоже* ;i

не... скажем так — нехорошо. Три дня на кормление не приносили ребенка. Три дня! Где был? Да в барокамере бы, где. Выхаживали его, ^ боролись за последний глоток жизни.

Это вот сейчас я говорю — за-;

чем боролись? Ну зачем боролись? !

Честно говоря, услышав это, я была в шоке. Конечно, когда *i* слышишь истории, подобные той, в которой *продолжают* жить ³ Игорь и его жена, стараешься не забывать пословицу «чужую беду j руками разведу». Конечно, когда слышишь суждения, подобные | этому, понимаешь, что западный накал страстей вокруг врачебной Ц этики, эвтаназии, политической корректности в отношении детей • и взрослых с проблемами психического развития еще долго не будет насущным здесь, в бедном деньгами и смыслами социальном | пространстве. Но главной причиной моего шока был контраст между *гордостью*, с какой этот человек рассказывал об успехах сво» го младшего сына, о своем с женой хождении по мукам в попытках его пристроить, чтобы жена смогла работать, и его, по-видимому, постоянным, навязчивым возвращением к первым дням жизни мади чика, когда «*что-то нетак получилось*», что-то *не то* случилось, и к тому, что с последствиями этого *не то* они с женой оставлены один на один. Игорь не раз упоминает, что кому-то его убеждение может показаться «зверством», он озабочен этим («*Вы не думайте, что это вот — насколько эвери^*). Он уверен, что жена его считает точно так же. Два момента угнетают его в наибольшей степени: во-первых, прерванная история его благополучного родительства («*Но у нас eoaf, может быть, и третий, и четвертый был бы, но не будет. Не будет, потому что второго захватило*»). Во-вторых, будущее их сына.

Потому что, когда нас не будет, он не будет нужен никому. Не будет. В тыщу раз хуже. Ведь он скоро начнет созревать в половом-то плане!

И чего-то надо будет. Их же стерилизовать никто не будет. И вот проблемы-то начнутся еще одни. Вот. Он нам еще попьет кровушку, скажем так, если мы (тьфу-тьфу — постучу по дереву), может быть, и упустим его.

Будущее старшего сына кажется Игорю гарантированным: тот время, свободное от школы и занятий в балетном коллективе, проводит в компании отца. Младший — тоже отцу с охотой подражает, но чаще это лишь добавляет хлопот:

Вот простейшие элементы: газ включить, чайник согреть, и все. Как-то раз пожарил кукурузу. Ничего. Без масла он когда ее начал жарить. Вот все сгорело. Он же смотрит — и пытается делать то же самое. Он думает то, что он делает хорошо, а бывает, что это — наоборот. Как правило. Он копирует. Не делает с точностью, а копирует. И получается вот так.

Игорь говорит не без иронии *«внешне все у нас нормально»*, хорошо понимая, что младший сын навсегда и безоговорочно выводит его семью из порядка «нормальности». К его чести, он его не прячет от других. Его уверенности в себе хватает на то, чтобы брать сына в поездки с учениками:

Вот ездили с детьми на фрукты, я его с собой брал. Как гроза, это же страшно, он залазит под кровать, заматывается в одеяло и кричит. Страшным криком кричит. Дома все время... В сад приедешь — машина проезжает — он под диван лезет. Вот этих шумов боится.

Игорь и здесь видит прогресс: *«И вот... Вот сейчас вот дождь идет, он прислушивается к нему — что есть такое, но не боится. То есть он в грозу работал, он спокойно сидел, хоть бы что! Сидит на плотике судочкой. Своеобразно течь — с гвоздиком»*.

Движимый верой в чудеса, которые может творить физкультура, Игорь и младшего сына не лишает ее радостей: *«Вот мы сейчас вечерами бегаем, так он старается. Километров восемь пробегаем. Вот. И нормально, он бежит, ему даже нравится. Ну, есть когда дети наглые...»* (имея в виду несколько неудачных встреч).

Но, кажется, главное, что удручает его, это неминуемое иждивенчество сына. Старший — «в порядке», если его занятия балетом уже сейчас дают ему, по выражению Игоря, *«твое "я", на которое ты можешь уповать. Ну, скажем, твой кусочек хлеба, который ты можешь сам откусить, самостоятельно»*, потому что уже сейчас он участвует в спектаклях и на него *«смотрит тысяча зрителей, которые заплатили деньги и пришли на него посмотреть. Ну, не на*

него, пришли вообще смотреть». И еще: старший сын спойбе»| оценить отца, он видит его усилия, он подражает ему со смыслом: 1 «Но он при мне... Вот он меня видит, что я кручусь, — он видит, до-1 сколько это тяжело. Бывают, конечно, свои проблемы. Но где без ' этого? Вот. Видит — и чувствует».

Идентичность отца и сына потому, вероятно, составляет citii8| ' , значимый мотив как мужской психологии, так и мировой культу ры, что сын — это единственный шанс для отца увидеть себК^ . свое отцовство. У французского философа Эмманюэля Левинаб» " на этот счет сказано: «Отец не просто порождает сына. Быть евй- ; им сыном означает быть "я" в собственном сыне, субстанциально находиться в нем и в то же время не быть идентичным образом» | (Левинас, 1961, 266). Левинас, описывая детство, которому свой- . ственна несамостоятельность, использует выражение «сын пере-, i кладывает ношу своего бытия на другого». В ситуации Игоря этой ' , «ноше» суждено быть пожизненной.

Французский мыслитель Луи Альтюссер, точно следуя в этом ' | Жаку Лакану, акцентирует нешуточность того, что сын, ещё не я рожденный, уже значим тем, что будет носить имя своего отца: |

Каждый знает, как и насколько сильно ожидаем нерожденный ребенок, что равносильно утверждению, очень прозаичному, если мы согласны оставить «сантименты», например, формы идеологий семьи... в которой ожидается нерожденный ребенок: заранее известно, что см будет носил» Имя своего Отца, поэтому будет иметь идентичность И будет незаменим. Поэтому до рождения ребенок — всегда уже субъект, взятый как субъект в специфическую семейную идеологическую конфигурацию, в которой он "ождается", с тех пор как был зачат... (Althusser,1971,176)

Стремясь к норме, норму навязывая и нормой руководствуясь у себя в семье Игорь обречен иметь дело с человеком, под норму не подпадающим. Озабоченный формой и на ее поддержание на-* целенный, он каждый день сталкивается с родным ему человеком^ который устраивающей Игоря (и окружающих) формы, возможно, не обретет никогда. Преобладающая установка, усвоенная Игорем, оформляет его действия в жизненный нарратив, центрированный вокруг отцовства. Маргинальность ситуации его младшего сына ставит под угрозу представление Игоря о себе как о действующем субъекте, разрушает его уверенность в непрерывности и целостности его жизненной истории. Жизнь его младшего сына размещается внутри сферы «ненормального», и эту экзистенциальную и дискурсивную границу нам — субъектам «нормальной»

повседневности — не перейти: она — за гранью того, что можно знать, и за гранью того, что можно обсуждать. Трудности, которые испытывает сын Игоря — проблемы с устной речью, повторяющиеся варианты поведения, эмоциональное и физическое беспокойство, которое причиняет ему неожиданная смена обстановки (гроза), сложности с установлением эмоциональных связей, фрустрации, которые он изживает повышенной агрессивностью, — все это симптомы, которые легко наблюдать и которые врач легко читает как знаки отставания в развитии, то есть ненормального развития. Игорь колеблется между этим «клиническим», объективирующим взглядом на сына и стремлением включить его в свою, а значит, в семейную историю. У Игоря нет денег платить экспертам за то хотя бы, чтобы узнать, как именно называется заболевание его сына, и отчасти этим, возможно, объясняется его стремление доказать «доступным» врачам, что ярлык «безнадежный» был наклеен на его сына преждевременно, тем самым он борется с этим ярлыком на самом себе. Борясь с тем, что он считает некомпетентностью, он борется с тем, как «читают» его самого — как отца «ненормального» сына. Он строит автобиографию, включает в нее сына и тем самым противостоит тому варианту биографии мальчика, который кажется наиболее вероятным экспертам.

В то же время настойчивость, с какой Игорь возвращается к моменту *заменяемости* сына, можно, мне кажется, объяснить тем, что факт существования такого сына все время нарушает стабильность границы между отцом и сыном, в том числе и в самом Игоре. Стигматизированный в детстве и доказавший окружению, что он достоин уважения, фактом существования младшего сына он словно выталкивается из сплоченного мира нормальных мужчин, к созданию которого вокруг себя прилагает столько усилий. Не поэтому ли, уязвленный, обиженный, недоумевающий, отчаявшийся, Игорь простирает свое отцовство до пределов школы, формируя и корректируя тела подопечных? Игорь и мыслит свою профессию в терминах отцовства. На мой вопрос о том, как он относится к тому, что учительство — это женская профессия, он ответил так:

Ну, понимаете, как вот я подразумеваю? Школа — это дом. Дом — это моя квартира. В квартире должна быть мама. Вот эта мама — она и должна быть здесь. Знаете, говорят, без отца плохо расти, да? А без мамы-то вообще не расти. Поэтому... Я почему и говорю, что мама-то и должна быть женщина. Поэтому в этом доме нужно найти маму.

Ну, и должны быть, наверно, те папы, которые должны помогать ?

ХОТЬ ЧУТЬ-ЧУТЬ.

-а),
тл, 1^

Легкость, с какой Игорь проводит аналогию между «квартирой» | «школой», может быть объяснена в его же терминах: помогающие | «хоть чуть-чуть» папы и время от времени вспоминающие о СВQJ*§ "1 отцовстве мужчины — характерная черта обычного расклада рск I лей в семье. Но мы бы редуцировали сложность его ситуации к станы^л дартной линии феминистской критики патриархальности, если бы ограничились этим суждением. Дело обстоит сложнее; не будем ай бывать, что представления о нормальной маскулинности складыва^тются на основе «преобладающей установки» (термин и конце®. ^sция К. Сильверман рассмотрены нами выше), базирующейся, | свою очередь, на эдиповом комплексе. Тем самым с помощью «щ^т зитивного», как его называет Сильверман (Silvennan, 1992, 42—43)1 эдипова комплекса субъекту конвенциональной маскулинности^т не только дана «реальность» семьи и фаллоса, но и реальность дана как «семья», и!»

Преобладающая установка не только предлагает систему реви | резентации, посредством которой субъект, как правило, получасу сексуальную идентичность и имеет желания, сопоставимые а! этой идентичностью, но формирует стабильное ядро, вокруг ко- | того удерживаются «реальности» нации и периода. Преобладаю^тя установка представляет социальную формацию самым фундаментальным образом ее единства — семьей. Коллективно^т сти общности, города, нации традиционно определяли себя от? ссылкой к этому образу.

Вспомним многозначительную метафору, опираясь на которую а Игорь требует от своих подопечных, чтобы они следовали принци-
•J пам его спортивного наставничества: *«Я в вас, — говорю, — все, что мог. вли, теперь вы вливайте из своего кувшинчика в них. Чтобы у них тоже заполнялось. Вот они уходят, они себе оставляют замену..»* В своем «отцовстве» в пределах школы Игорь не сомневается:

Когда и на аттестацию заявление писал, я говорю: «Я на своем мест те». Потому что я в общем беспокойный ребенок был. Есть дети такие — беспокойные, трудные дети. Я — из них, скажем так. Вот. Поэтому мне у этихдетей значительно проще, чем кому-то. Вот. У меня здесь ребенок старший учится тоже, вот, в седьмой класс перешел.;

Вот я чувствую, что без меня не будет здесь крутиться то, что должно крутиться.

Предварительные итоги

Анализ свидетельств Игоря позволил прийти к выводам о том, что школьное физическое воспитание как деятельность представляет собой значимый институт нормализации индивидов, в рамках которого проявляются и закрепляются различия между мужчинами и женщинами (юношами и девушками), и что учитель — главный агент этой деятельности. Учет концепций М. Фуко и К. Сильверман позволил осмыслить его биографию как конструкт, созданный в результате сложного взаимодействия институционального и психического. Крепкое, развитое, тренированное тело, которым Игорь обладает сам и на формирование которого у своих подопечных нацелен, составляет не только конвенциональный *знак* маскулинности, но и главный *культурный капитал* тех, у кого недостает иных, прежде всего финансовых и статусных, ресурсов.

Опыт чтения частной мужской истории женщиной может оказаться весьма и весьма поучительным. Он, как мне кажется, создает небесплезную ситуацию исследовательской «подвешенности» между двумя конкурирующими сегодня ориентациями. Согласно одной, переход к теоретизированию мужчин как пола в известном смысле *уравнивает* мужчин и женщин. Смещение исследовательского внимания в сторону мужских исследований рождает у многих неправомерную иллюзию, что перед гендерными отношениями мужчины и женщины в равной мере беззащитны. Это, конечно же, не так. Вторая ориентация состоит поэтому в стремлении не забывать о том, что среди множества противоречий современности ключевым остается неравенство полов. Чтобы ей следовать, необходимо оставаться критичными к тому, как те или иные компоненты «преобладающей установки» артикулируются, находят выход в конкретных биографических обстоятельствах, взглядах и оценках отдельных мужчин. С другой стороны, мы здесь сталкиваемся с труднейшей (и в методологическом, и в этическом отношении) проблемой критики персональных повествований. Расспрашивая мужчин и интерпретируя мужские истории, стоит не только руководствоваться идеалами «сестринства», но и пытаться находить некоторые общие основания, исходя из которых возможны рефлексивные суждения о конкретных ситуациях.

В чтении истории Игоря я пыталась соблюсти равновесие между критичностью и уважением к нему: о нем как об учителе я рассуждала, сознательно солидаризируясь с его ученицами-девушками, а думая о нем как об отце (в буквальном смысле слова), исхо-

дала из того, что его жена, как он в этом убежден, стоит на той; позиции. Меня, повторю, покорила жесткость, с какой Игорь допускает, что, будь врачи наделены большими полномочиями^ в решении вопроса о том, жить или не жить младенцам с пробде^ц ми, ему от этого было бы только лучше. Но твердость, с какой^ш, говорит, что это убеждение у него сложилось после десяти (твпм^, уже одиннадцати) лет воспитания младшего сына, драматизм <ад, собственного опыта и опыта его жены исключает для меня в^ возможность судить об этой ситуации, исходя из стандартных фемщцу нистских представлений. — Эд.

Игорь следует значимым тенденциям современности, согла^ но которым тело, внешность, вообще «биология» (включая и роц дение ребенка) не есть нечто данное, с чем нужно лишь смирить^ ся и непреложность чего — принять, но нечто, что не только мр^; но, но и нужно модифицировать, с тем чтобы соответствовать д^ i минующим стандартам. Проблема формы и ее поддержания ета^ новится поэтому центральной для жизни Игоря, помещаетсяА; центр его идентичности. Все, что попадает в поле его зрения — о;; тел до униформы, от предельно формализованного, «строного» об^ щения с ребенком (тот «не поймет иначе») до «систематическая организуемых им походов, — все подчинено идее о том, как двд^ жать и держаться в форме. ;д

Мы знаем о людях с проблемами развития, что они имитийг ют жизнь нормальных людей на основе механического повторение^ их движений и слов. Они наблюдают за другими и составляют кацЦ кое-то подобие видеотеки вариантов поведения в тех или дру1Э^| ситуациях, научаясь программировать себя, чтобы «вести себфц как «нормальные» люди, то есть люди, выполняющие требование , которые предъявляет культура. Мы не знаем, насколько преусngt* ет в такого рода «перфомансах» Саша, младший сын Игоря, но<в||^ жизнь каким-то странным образом проявляет действие ключев^ социальных механизмов нормализации, на стороне которых выей* тупает его отец. Полагаясь на строго определенные, рутинизирот ваные и рационализированные способы взаимодействия медкду «собой» и «внешним» миром, Игорь использует свою форму/теяф как попытку слиться с тем социально доступным означающим» которое позволяет реализоваться ему как субъекту. Его собственн ый «нормализованный» образ фигурирует как нечто, с чем над;; лежит сравнивать, дисциплинировать и «исправлять» других» ; Лишь считанные единицы чувствуют себя в отношении собствен? »| ного тела абсолютно уверенно, и среди девушек и женщин эти?? |

счастливиц гораздо меньше, чем среди мужчин. Игорь не стесняется намекать девушкам на дефекты их тел, уверенный, что он прав. Его правота проистекает от смутного понимания невозможности ускользнуть от нормализующего воздействия социальной дисциплины.

Подобно тому как в культуре в целом нормализация мистифицируется, а ее действие усиливается на основе риторики «выбора», играющего такую большую роль в коммерческих репрезентациях диет, упражнений, ухода за волосами, Игорь также акцентирует в общении с подопечными мысль, что выбор — за ними, хотя для него самого проблема выбора решена. Если его ученики, находясь на попечении родителей, еще могут (скорее всего, лишь на время обучения в школе) позволить себе быть слишком расслабленными, ощутимо ленивыми, не озабоченными будущим, для него (и для его старшего сына) такая возможность с детства была исключена (у Игоря тяжело болела мать, у его старшего сына — болен брат). Его тело и связанные с ним физические и социальные практики — единственный капитал, которым Игорь располагает, противостоя как серьезным социальным ограничениям, так и драматическим биографическим обстоятельствам.